

Козмин, Николай Дмитриевич

Архангельские самоеды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
К59

Козмин, Николай Дмитриевич
К59 Архангельские самоеды / Козмин, Николай Дмитриевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2012. – 52 с.

ISBN 978-5-458-22931-9

Архангельские самоеды Очерк их быта и верований. Автор Н. Козмин.
Санкт-Петербург, издание Училищного совета при Святейшем синоде,
1913 год.

ISBN 978-5-458-22931-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предлагая краткій очеркъ быта и вѣрованій архангельскихъ самоѣдовъ, я буду счастливъ, если вызову хотя искру сочувствія къ этому заброшенному къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана бѣдному племени.

I.

Мезенско-Печорская тундра зимою и лѣтомъ. Самоѣды — коренные обитатели Мезенско-Печорскихъ тундръ. Внѣшность самоѣда, его жилище, одежда, пища. Экономическое благосостояніе самоѣдовъ. Причины его неудовлетворительности — эксплуатація самоѣдовъ ихъ сосѣдями — зырянami и русскими. Переходъ къ осѣдлому образу жизни, какъ единственная мѣра къ улучшенію благосостоянія самоѣдовъ.

На тысячи верстъ съ запада на востокъ, на сотни съ сѣвера на югъ раскинулись *Мезенско-Печорскія тундры* и, кажется, нѣтъ имъ конца и края.

Отъ Печоры къ предѣламъ Сибири,
Разбѣгаясь все шире и шире —,
Безконечныя тундры идутъ...
Ни жилья, ни куста... Лишь спуютъ
Ночью волки, глазами блистая, —
И люта ихъ голодная стая, —
Или стройныхъ оленей стада,
Да мелькнетъ самоѣдъ иногда...
Здѣсь зимой только вьюга поетъ
Свою пѣсню, поетъ надрываясь,
Вкругъ убогихъ механовъ реветъ,
Словно вою звѣриному вторя,
И, натѣшившись, мчится впередъ,
Къ берегамъ Ледовитаго моря.

На сѣверѣ не отличить, гдѣ кончаются тундры съ ихъ топями и далями и гдѣ начинается лугвой суrowый просторъ, просторъ

Ледовитаго океана; на югѣ онѣ сплошь подступили къ дремучимъ лѣсамъ бывшаго царства Югорскаго; на востокѣ, словно сторожа ихъ невозмутимую тишину, охраняя ихъ вѣковѣчный сонъ, залегли каменные гряды Урала и сумрачный кряжъ Пайхо.

Большую часть года неоглядныя дали тундры бываютъ покрыты пеленою бѣлаго снѣга. Подъ толстымъ слоємъ льда, точно замерли и спятъ въ своемъ долгомъ снѣ многочисленныя сѣверныя рѣки. На всемъ безграничномъ пространствѣ тундры царить мертвая, подавляющая тишина, нарушаемая иногда только снѣжною бурей—пургою.

Неудержимо тогда подъ низко нависшимъ небомъ стелется сѣверовосточный вѣтеръ, словно дикій звѣрь, разгулявшійся на безлѣсныхъ гладяхъ. Горы пушистаго снѣга наметываются и разметываются, покрывая высокими сугробами и случайнаго путника, и промысловую избушку, и убогіе чумы полярныхъ обитателей. Цѣлые дни кружить и завываетъ пурга, цѣлые дни тѣшится она своею несокрушимою мощью. Но вотъ истощаются ея могучіе порывы... И снова въ тундрѣ до новой бури тишина, нѣмого ужаса полна... Снова мертвая пустыня, покрытая мракомъ, лежитъ неподвижно подъ цѣлымъ океаномъ сѣрыхъ, словно свинецъ, тяжело надвигающихся тучъ. Изрѣдка, въ ясные дни, выглянетъ солнце; но, едва поднявшись надъ горизонтомъ, оно снова опускается внизъ, и опять

двадцатичасовая ночь смѣняетъ короткій, болѣзненный день. Сѣрая мгла ползетъ отовсюду, западаетъ въ душу и нечѣмъ разогнать гнетущую тоску этой полярной ночи. Только сѣверное сіяніе изрѣдка оживляетъ ее; только оно воскрешаетъ эту во мракъ окутанную природу...

Такова Мезенско-Печорская тундра зимою.

Совершенно иную картину представляетъ она лѣтомъ.

Безжизненный, мертвый зимою, тундровый просторъ лѣтомъ поражаетъ путника неожиданною роскошью красокъ и богатствомъ на два, на три мѣсяца развернувшейся жизни. Оленій мохъ (ягель)—бѣложелтый, черный, синій, бурый, фіолетовый и бѣлый превращаетъ тундру въ мягкій, пушистый, разноцвѣтный коверъ. Широкія рѣки медленно струятся въ отлогихъ берегахъ безлюдной пустыни. Въ тихихъ заводяхъ плещутся и цѣлый день гогочутъ гуси, утки, гагары, лебеди и перепелки...

Зимою мертвая пустыня—тундра лѣтомъ прокармливаетъ стада разнаго звѣря. Медвѣди прокладываютъ свои тропы отъ молчаливыхъ рѣчныхъ береговъ до ягодныхъ полей; стада оленей смѣло пробираются къ моховымъ пажитямъ, отбиваясь отъ лакомыхъ до ихъ крови волковъ; лисицы, песцы, куницы и зайцы снуютъ во всевозможныхъ направленьяхъ, снабжая обитателей тундры и промышленниковъ своими теплыми шкурками ¹⁾.

¹⁾ В. Н.-Данченко. Страна холода.

Коренными обитателями Мезенско-Печорской тундры являются *самоѣды*, переселившіеся сюда изъ Азіи, гдѣ за Уральскимъ хребтомъ еще и до сихъ поръ кочуетъ часть ихъ сородичей.

Когда совершилось ихъ передвиженіе въ Архангельскую губернію, неизвѣстно. Вообще, историческія свѣдѣнія объ Архангельскихъ самоѣдахъ крайне скудны. Извѣстно лишь, что племя это еще въ XI вѣкѣ платило дань новгородцамъ. Упоминаемый въ лѣтописи цѣлый рядъ походовъ новгородскихъ дружинъ на Печору и Югру даетъ основаніе предполагать, что эти инородцы были въ то время народомъ воинственнымъ. Лѣтописецъ приводитъ нѣсколько такихъ походовъ, не всегда удачныхъ для новгородцевъ.

Въ XV вѣкѣ, съ утратою независимости Новгорода, Мезенско-Печорскій край, вмѣстѣ съ Двинскою землею, перешелъ подъ власть Москвы, данниками которой сдѣлались и самоѣды. На первыхъ порахъ они, вмѣстѣ съ зауральскими инородцами, пытались было также отстоять свою свободу, но основаніе Пустозерскаго острога положило конецъ ихъ самостоятельности.

Поселившись съ давнихъ поръ въ Мезенско-Печорскихъ тундрахъ, самоѣды впослѣдствіи проникли и на близъ лежащіе острова Ледовитаго океана — Вайгачъ и Колгуевъ, а съ 70-хъ годовъ XIX столѣтія они прочно обосновались также на островѣ „Новая земля“.

Въ настоящее время количество самоѣдовъ въ Архангельской губерніи невелико, — не превышаетъ 7000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 600 осѣдлыхъ, остальные — кочующіе. Большая часть самоѣдовъ, со своими кормильцами — оленями, обитаетъ въ предѣлахъ Мезенской и Печорской тундръ. По занимаемымъ ими здѣсь пространствамъ, они дѣлятся на конинскихъ, тиманскихъ (или малоземельскихъ) и на большеземельскихъ. Первые кочуютъ на Конинскомъ полуостровѣ, далеко врѣзывающемся въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Это самое пустынное и безотрадное мѣсто.

Тиманскіе или малоземельскіе самоѣды кочуютъ между рѣками Пешей и Печорой, вплоть до р. Цильмы къ югу. Большеземельскіе самоѣды занимаютъ громадную площадь отъ Печоры до Уральскихъ горъ и отъ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана на югъ до волостей зырянскихъ. Они въ свою очередь подраздѣляются на Пустозерскихъ, ижемскихъ и устьцилемскихъ.

Внѣшній видъ самоѣда въ общемъ непривлекательный.

Малорослый, коротконогій, переваливающийся справа налево, онъ обыкновенно весь бываетъ завернутъ въ оленье шкуры. На смугломъ, красноватомъ и скуластомъ лицѣ его, словно сквозь узкія щели глядятъ невыражающіе особой смѣтливости глаза. Приплюснутый носъ, вдавленный узкій лобъ, при

Рис. 1. Самоѣдинъ.

совершенно круглой головѣ, — не увеличиваютъ его красоты.

Если прибавить къ этому низко на лобъ копною падающіе черные волосы, нѣсколько жесткихъ и короткихъ щетинокъ, замѣняющихъ бороду и усы, часто и совсѣмъ отсутствующіе, то получится полное представленіе о наружности этого обитателя тундры. — *Самоѣдка* нисколько не красивѣе, нисколько не граціознѣе своего повелителя. Напротивъ она, пожалуй, еще уродливѣе его. Скулы у нея выдались болѣе, глазные щелки уже. Черты лица, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ — старообразны. Дѣти представляютъ точныя копіи съ своихъ родителей, — даже выраженіе лицъ старообразное одинаково.

И самоѣды, и самоѣдки зимою и лѣтомъ носятъ одинаковую мѣховую *одежду*; только одежда самоѣдки не такъ мѣшковая и наряднѣе сшита. Самоѣдки нашиваютъ на неё красивые узоры изъ бѣлыхъ и черныхъ оленьихъ лапокъ, изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лосткутковъ и украшаютъ её еще маленькими погремушками и бусами. И чѣмъ пестрѣе выходитъ ихъ нарядъ, тѣмъ онъ кажется имъ красивѣе и лучше. Вообще, самоѣдки, какъ и всѣ женщины, любятъ принарядиться.

Жилище самоѣдовъ называется чумомъ и состоитъ изъ конусообразнаго шалаша, сдѣланнаго изъ длинныхъ жердей, которыя втыкаются въ землю, а верхними концами связываются крестообразно. Лѣтомъ чумъ бываетъ

покрыть берестой, а осенью и зимой, т. е. большую часть года, оленьими шкурами, сшитыми вмѣстѣ. Сверху, гдѣ связаны жерди, оставляется отверстіе для выхода дыма изъ чума. Сбоку, вмѣсто двери, дѣлають отверстіе и завѣшиваютъ его также оленьей шкурой.

Внутренность чума такъ-же проста, какъ и его наружный видъ. На полу отъ сырости и холода настилають березовые прутья, а на нихъ кладутъ оленьи шкуры. По срединѣ чума кладется желѣзный листъ; на немъ разводятъ огонь. Надъ огнемъ на крючьяхъ висятъ котлы, въ которыхъ варится пища. Топливомъ служатъ мелкіе прутья ивняка, который почти всегда растетъ по берегамъ многочисленныхъ тундровыхъ рѣчекъ. Такое топливо, конечно, больше дымить, чѣмъ грѣетъ, а потому по всему чуму постоянно стоитъ дымъ и ѣстъ глаза. Дунетъ ветеръ сверху и чумъ до того наполнится дымомъ, что непривычному человеку ни дышать, ни глядѣть невозможно. Вотъ гдѣ источникъ глазныхъ болѣзней у самоѣдовъ....

Живутъ самоѣды въ тѣснотѣ и необыкновенной грязи. Нечистоплотность въ большинствѣ чумовъ поражающая: посуда по большей части не моется, но вылизывается, такъ-же, какъ и ложки, хозяйкой; куда не достанетъ языкъ (напр., въ глубокой чашкѣ), тамъ вычищаютъ жиръ пальцемъ, облизывая послѣдній. У всѣхъ самоѣдовъ изобилуютъ паразиты. По словамъ Архангельскаго вете-

ринарного инспектора г. Керцелли, пробывшаго въ 1911 году нѣсколько мѣсяцевъ въ Большеземельской тундрѣ, — „врядъ-ли найдется во всей тундрѣ десятокъ чумовъ, въ которыхъ можно было-бы безнаказанно ночевать“.....¹⁾).

Пища самоѣдовъ состоитъ изъ оленьяго мяса, рыбы, дикихъ птицъ и ягоды. Хлѣба они ѣдятъ мало и могутъ совсѣмъ обходиться безъ него. Любимая ихъ пища---оленье мясо; болѣе всего они любятъ сырое и еще теплое, дымящееся, послѣ зарѣзаннаго животнаго. Лакомыми кусками считаются---сало и почки; мясо ѣдятъ, обмакивая его въ теплую кровь. Изъ крови оленей, которая въ зимнее время замораживаются, готовятъ супъ. Кровь варится съ прибавкой воды и прибалтывается мукой. Рыбу самоѣды любятъ ѣсть сырую; маленькихъ рыбокъ они глотаютъ даже живыхъ. Особымъ лакомствомъ считается ѣсть живыхъ омулей. Рыба, оставляемая ими на запасъ, обыкновенно прокисаетъ, но они ѣдятъ её съ удовольствіемъ, несмотря на нестерпимый отъ нея запахъ. Кочевая жизнь и врожденная безпечность мѣшаютъ самоѣдамъ дѣлать большіе запасы пищи. Самоѣды уже давно употребляютъ чай. Табакъ также давно въ употребленіи; курятъ они мало, но болѣе нюхаютъ и жуютъ. Употребленіе вина весьма сильно распространено между ними. Самоѣды

¹⁾ С. В. Керцелли. По Большеземельской тундрѣ съ кочевниками.

ничего не продаетъ безъ того, чтобы не выпить. Вообще, эта господствующая ихъ слабость. Во время промысловъ они удерживаются отъ пьянства, но за то часто случается, что по окончаніи промысла самоѣдъ пропиваетъ всю свою добычу. Пьютъ не одни только мужчины, но и женщины, и даже дѣти.

Главную *основу экономического благосостоянія самоѣдовъ* составляютъ оленеводство, лѣсная охота, ловля рѣчной рыбы и промыселъ морского звѣря, словомъ, всѣ важнѣйшія отрасли промышленности сѣвера. Обиліе естественныхъ богатствъ въ тундрѣ и у моря, даже при самой незначительной энергіи промышленника, само по себѣ должно давать ему громадныя доходы, тѣмъ болѣе, что коренные обитатели тундры, какъ нельзя лучше, ознакомлены съ мѣстными промыслами и условіями ихъ производства,—знаютъ, въ какое время года, что и гдѣ можно *промышлять*. Отсутствіе какихъ-либо путей сообщенія здѣсь не имѣетъ того рокового значенія, какъ въ другихъ безлюдныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ подъ рукою есть прекрасное перевозочное средство—*олень*, для котораго не надо ни хорошо устроенныхъ дорогъ, ни станцій, ни даже запасовъ корма; онъ круглый годъ самъ себѣ находитъ пищу и не требуетъ никакого ухода, кромѣ защиты отъ хищныхъ звѣрей. Несмотря, однако, на такія естественныя благоприятныя условія, экономическое положеніе самоѣдовъ далеко не завидно. Фактъ